

18+

В ТЕНИ

ЛЕВИАФАНА

Б. ШАРП

Б. Шарп

В тени левиафана

«Издательские решения»

Шарп Б.

В тени левиафана / Б. Шарп — «Издательские решения»,

Умиращее ядро родной планеты лишило её магнитного поля, превратив атмосферу в ядовитый оксид железа. Последние выжившие люди борются за существование на гигантских роверах, которые буквально стираются в пыль. Единственным шансом на спасение становится открытый на окраине системы астероид изо льда и железа.

© Шарп Б.

© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 1: ЗУБЬЯ И РЖАВЧИНА	6
ГЛАВА 2: ПЯТНАДЦАТЬ КИЛОМЕТРОВ ЛЬДА И ЖЕЛЕЗА	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

В тени левиафана

Б. Шарп

© Б. Шарп, 2026

ISBN 978-5-0071-2237-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1: ЗУБЬЯ И РЖАВЧИНА

Правый трак «Надежды» шёл с перекосом. Каждый раз, когда ведущая звёздочка наматывала очередную тридцатитонную секцию гусеницы на задний каток, по рифлёным плитам пола пробегал двойной удар: тук-тук. Потом три секунды сухого, надрывного скрежета, от которого зубы начинали выть уже на втором часе смены, и снова — тук-тук. Вибрация поднималась от подошв тяжёлых рабочих ботинок, била в колени и оседала тупой, тянущей болью в пояснице. Ровер переваливал через гребень ржавой дюны. По приборам скорость была около трёх километров в час, но по ощущениям огромная махина просто топталась на месте, вгрызаясь в бесконечную красную пыль снаружи.

Элом сидел на корточках перед открытым люком технического колодца, зажав в зубах засаленный фонарик. Из узкой шахты пахло перегретым нигролом, кислой ветошью и старой человеческой кожей. Латунная сетка маслоотделителя забилась наглухо — ячейки затянуло плотной ржавой кашей из тектонической пыли и сгоревшей смазки.

— Руку убери, — глухо, не выпуская фонарика, крикнул Элом куда-то вглубь кабельного полуэтажа. — И подсвети левее. Я манометр не вижу.

— Да куда тут светить, всё в нагаре, — отозвался из темноты Борис. Из сплетения силовых шин показалась его грязная рука. На пол шлёпнулся серый, жесткий от старости обрезок чьей-то форменной куртки. — На, держи. Это последняя. Больше тряпок нет. На центральном складе «Б-12» кладовщик сказал, что текстиль выдают только под роспись начальника смены. Скоро комбинезоны с покойников снимать начнем, чтобы фильтры протирать.

Элом выплюнул фонарик в ладонь, вытер пот со лба тыльной стороной руки и принялся с силой соскабливать ржавый налет ножом. Ткань почти не впитывала масло, а просто размазывала его по металлу.

— В секторе «Ц» распределитель фазы опять искрит? — спросил он, чтобы хоть как-то заглушить монотонный стук под ногами.

— Искрит так, что искры через кожух летят, — Борис завозился в глубине, звякнув тяжелым ключом на тридцать два. — Там изоляцию мыши сожрали. Ну, или не сожрали, а просто перегрызли от скуки. У баб в третьей теплице из-за этого вчера контур гидропоники встал на два часа. Соевая зелень начала склизнуть. Они там такую хай развели у диспетчерской, думал, патруль вызывать придется.

— Влагу берегут, — понимающе кивнул Элом. — Если соя скиснет, Комитет им урежет норму на следующий месяц. А у них там дети в секторе. Ладно, давай затягивай стопорный болт. Только не сорви резьбу, у нас сменных фиксаторов не осталось.

Борис глухо запыхтел под настилом. Послышался натужный скрежет резьбы, а затем Борис громко сматерился. Ключ сорвался, звякнув о титановую шину.

— Черт! Элом, гайка ушла. Напрямую в картер редуктора свалилась.

Элом замер, прикрыв глаза. Потеря крепежной гайки М16 на нижнем ярусе приравнивалась к катастрофе. В снабжении не было ничего. Каждая деталь вытачивалась на древних станках из обломков старых конструкций.

— Ищи магнитом, — устало сказал Элом. — Если она попадет под шестерню, нам правый борт заклинит к чертовой матери. И тогда «Надежда» точно приплыла.

Они провозились в пыли еще полчаса, по очереди запуская руку с привязанным к проволоке магнитом в узкую масляную щель, пока Борис наконец не вытащил облепленную черной стружкой шестигранную гайку.

Элом отложил инструмент, попытался распрямить спину, но суставы отозвались сухим хрустом. Комбинезон на нем не стирался недели три. Ткань на локтях и коленях засалилась до зеркального блеска и встала колом от вьевшегося пота. Воду в жилых блоках нижнего

яруса Комитет Спасения выдавал строго по секундомеру, встроенному в насадку умывальника. Сорок секунд холодной, пахнущей хлором и железом жижи в сутки на человека. Хватало только на то, чтобы смочить рот и ополоснуть лицо перед едой. Использовать питьевой лимит на стирку считалось должностным преступлением первой категории. За такое патруль внутренней безопасности без лишних разговоров урезал суточный паёк наполовину, переводя провинившегося на штрафной гидропонный жмых. А жмых этот по вкусу напоминал прессованный картон, смоченный соляным раствором.

Элом вылез из узкого проема, подхватил сумку с инструментами и направился к выходу из каюты. Ему нужно было лично проверить распределитель на палубе «Ц» — Савва просил заглянуть, да и оставлять щитовую в таком состоянии перед концом смены было нельзя.

Путь лежал через соединительные тамбуры нижнего уровня. Воздух здесь был еще гуще. Палуба «Ц» располагалась ближе к маршевым узлам ровера, и гул от траков тут не прекращался ни на секунду.

У входа в третью гидропонную теплицу его уже ждали. Несколько женщин в серых засаленных фартуках стояли у закрытого пластикового шлюза. Лица у всех были осунувшиеся, с серым налетом от несвежего воздуха.

— О, инженер явился! — выкрикнула Нона, высокая женщина с узловатыми пальцами, испачканными в зеленом соевом соке. — Вы нам фазу вернете сегодня или как? У нас в четвертом лотке насосы встали, корни у рассады сухие. Если к утру автоматика не запустит полив, контур можно выбрасывать в утиль!

— Нона, тише, — Элом подошел к распределительному шкафу, с трудом отжав заклинившую защелку дверцы. — Борис снизу шины проверял, там изоляция летит. Сейчас перекоммутирую на резервную ветку.

— Резервную? — Нона зло хмыкнула, скрестив руки на груди. — Да ваш резерв прошлый раз просел так, что у нас половина диодов выгорела. Дети в секторе третьи сутки на одной пасте сидят, без свежей зелени. Вы там наверху у себя в Комитете воду чистую пьете, а нам лотки сгнить предлагаете?

— Я с нижнего яруса, Нона, такой же, как и вы, — тихо ответил Элом, не поворачивая головы. — Воду из патрубка пью, ржавую. Так что кричи на инспекторов Комитета, когда они придут с проверкой. А мне дай поработать.

Внутри шкафа всё было покрыто тонким слоем черной гари. Реле переключения контуров оплавилось, от него шел едкий запах горелой резины. Элом достал пассатижи, перекусил обгоревший провод и вручную перебросил клемму на вспомогательную колодку. Раздался тяжелый, сытый щелчок автоматики, и за пластиковым стеклом теплицы глухо зажужжали циркуляционные насосы. Женщины притихли.

— Надолго хватит? — уже тише спросила Нона, глядя на загоревшийся зеленый индикатор.

— До конца смены протянет, — Элом закрыл шкаф. — А дальше пусть дневная бригада думает. У них снабжение лучше.

Он повернулся и пошел обратно к своей каюте. Усталость навалилась свинцовой тяжестью. Колени ныли, а в носоглотке прочно засела мелкая железная пыль, которую не улавливали изношенные фильтры.

Вернувшись в каюту, Элом сел за верстак. В углу, в старой картонной коробке из-под уплотнительных колец, что-то мелко зашуршало. Из-под клочка сухой синтетической ваты показалась острая оранжевая мордочка. Степная ящерица. Он поймал её три месяца назад, когда ровер шел по скалистым каньонам южного полушария — до того, как этот район окончательно засыпало мертвым песком.

Элом протянул руку, взял со стола щербатый пластиковый стакан и подставил под трубку аварийного сборщика конденсата.

Тюк.

На боку стакана старой инженерной иглой была процарапана риска с цифрой «150». Суточная норма инженера первой категории. Элом аккуратно макнул палец в стакан со ржавой жидкостью и протянул руку к коробке. Сухой шершавый язычок рептилии в секунду слизнул каплю с его кожи.

Если бы эту коробку нашли во время планового шмона, ящерицу просто спустили бы в мусоропровод под гусеницы, а самого Элома сослали бы на штрафные работы в реакторный отсек — чистить фильтры радиационной защиты без сменного комплекта одежды. Домашние животные на нижних палубах считались «биологическим балластом». Комитет строго следил, чтобы ни один кубический сантиметр кислорода не расходовался впустую.

За спиной раздался тяжелый металлический вздох. Дверь каюты, дернувшись, отползла в сторону по направляющим. В каюту ворвался запах общих коридоров — паленая резина, дешевая хлорка и кислый душок вареных водорослей из столовой.

Даяна Трис никогда не стучала. За те полгода, что ровер шел сквозь сплошную бурю, её лицо высохло и превратилось в неподвижную маску. Синяя форменная куртка Комитета сидела на ней безупречно, хотя на воротнике и подмышках проступили жесткие белые разводы от пота. Она молча подошла к верстаку и бросила на металлический лист тяжелый планшет в обрешиненном корпусе. На экране мерцали рваные багровые графики.

— Фильтры нижнего яруса всё, Элом, — сказала она. Голос у неё был тихий и сухой, как песок за обшивкой. — Сервисные дроны больше наружу не выйдут. Абразив снимает оптику до состояния матового стекла за сорок минут после выхода из шлюза. Манипуляторы клинит. Мы просто теряем матчасть.

Элом не прикоснулся к планшету. Он смотрел на стакан, чувствуя, как очередное тук-тук снизу пускает по поверхности мутной воды мелкую рябь.

— Я еще весной рапорт подавал, — тихо ответил он. — Ионные ловушки на такой плотности пыли не работают. У нас планетарное ядро остыло, Даяна. Глобального магнитного поля больше нет.

Инженер поднял глаза на офицера.

— Мы не просто сохнем. Мы буквально ржавеем заживо. Каждая дюна снаружи — это бывшая вода и атмосфера, ставшие оксидом железа. Процесс односторонний, его назад не повернуть. Главные валы «Надежды» со дня на день пойдут стружкой. Пыль уже в редукторах.

Даяна коснулась пальцем экрана, меняя картинку. На дисплее появилась цифровая сетка планеты. Среди бескрайних красных зон изредка мигали одинокие зеленые точки. Их было так мало, что Даяне пришлось зумировать карту, чтобы Элом разглядел следующую точку.

— Мы и не собираемся здесь долго ползать, — Даяна постучала коротким ногтем по стеклу планшета, центрируя карту на юге. — Сегодня в четыре утра замолчал «Прогресс». У них забило ржавым шлаком основной контур охлаждения реактора. Застряли в дюнах. Замерзли и задохнулись за шесть часов. Из сорока мега-роверов, которые вышли из бункеров столетие назад, на ходу остались пятнадцать. Пятнадцать железных коробок на всю планету, Элом.

— Сколько нас? — спросил инженер, чувствуя, как пересохло в горле. — Всего? Тысяч тридцать?

— Двадцать восемь с половиной тысяч, если по утренней переключке, — отрезала Даяна. — Двадцать восемь с половиной тысяч человек на пятнадцать машин. Если «Надежда» встанет — нас никто не потащит на буксире. Помогать некому. Мы последние. Высшая точка эволюции в ржавой жестянке.

Она снова провела пальцем по экрану, сменив масштаб. Карта планеты исчезла, уступив место трехмерной схеме звездной системы. На самой окраине, за пределами планетных орбит, горел крупный алый маркер.

— Три часа назад наш дальний зонд «Странник-4» выдал последнюю телеметрию перед тем, как потерять связь. На окраине системы обнаружен блуждающий астероид промежуточного класса. Пятнадцать километров в поперечнике. Чистый углерод, железо и миллионы тонн кометного льда. И это наш единственный билет отсюда, Элом. Комитет уже объявил закрытый экстренный сеанс связи со всеми городами. Нужны твои баллистические расчеты. Мы запускаем проект «Исход».

Элом молча поднялся. Он накрыл пластиковый стаканчик обрезком упаковочного картона, чтобы в воду не налетала пыль с потолка, поглубже задвинул коробку с ящерицей под чертежи редукторов и выпрямился. Его колени хрустнули в тишине каюты так громко, что испуганная рептилия снова зарылась под вату.

— Пошли, — сказал он, безуспешно пытаясь оттереть рукавом графитовое пятно на комбинезоне. — Посмотрим, что там за скала.

ГЛАВА 2: ПЯТНАДЦАТЬ КИЛОМЕТРОВ ЛЬДА И ЖЕЛЕЗА

Они вышли из каюты и направились к грузопассажирскому лифту центрального створа. Даяна шла на полшага впереди, её сапоги глухо стучали по стальным плитам. Лифт ехал наверх долгие десять минут. По мере подъема кислый, спертый запах нижних жилых отсеков медленно сменялся сухим, чистым воздухом, отдающим техническим озоном и медицинским спиртом. Элом стоял прислонившись спиной к поручню, чувствуя, как с каждым пройденным ярусом меняется давление в ушах. За узким пластиковым окном кабины пролетали внутренние уровни ровера: бесконечные ряды серых дверей, склады снабжения с тяжелыми запорами и полутемные производственные палубы, где ремонтные бригады круглосуточно вытачивали узлы для ходовой.

В обсерватории верхнего яруса кондиционеры работали исправно. Прохладный воздух не нужно было с силой проталкивать в легкие, как в секторе «Б-12», но пахло здесь перегретой изоляцией вычислительных стоек и дешевым пластиком.

Тоди стоял у главного терминала, и его худые плечи лихорадочно подрагивали. Молодой астрофизик то и дело срывал с носа очки, протирая линзы краем засаленного рукава рубашки, но от этого на стеклах оставались лишь мутные разводы. Рядом с ним, хмуро прислонившись спиной к распределительному щиту, стоял Далон — пилот Первой эскадрильи тяжелых челноков. Он курил самокрутку из горького гидропонного табака, выпускал струйки серого дыма прямо под потолок, но выглядел так, словно только что сбросил с плеч неподъемный груз. Глаза его, хоть и покрасневшие от бессонницы, лихорадочно блестели торжеством.

Даяна даже не посмотрела на сигаретный дым, хотя курение на технических уровнях строжайше запрещалось. Она быстрым, резким движением бросила на матовую панель пульта тяжелый металлический мастер-чип.

— Ну? — Даяна оперлась ладонями о край терминала, нависая над физиком. — Что там нарыл твой зонд перед тем, как ослепнуть? Только давай без лекций, Тоди. На нижнем ярусе фильтры забило к чертям, у меня люди задыхаются. Выкладывай суть.

— Даяна, мы спасены! — Тоди торопливо ткнул в мерцающий экран, выводя на центр угловатую глыбу, медленно вращающуюся в ледяной пустоте осколочного пояса. — Это блуждающий астероид промежуточного класса. Пятнадцать километров в поперечнике. Камень, железо, но главное — кометный лед! Там колоссальное количество чистой пресной воды!

Далон сделал глубокую затяжку, шагнул к столу и с силой хлопнул ладонью по распределительному щиту.

— Это наш золотой билет! — хрипло заговорил пилот. — В резервуарах наших роверов пусто, запасы на исходе. Валы маршевых двигателей стираются в пыль. Если мы используем наши квантовые буксиры, которые сейчас законсервированы на орбитальных доках верхнего подъемника, мы сможем зацепить эту глыбу. Мы подтащим её к орбите, расколем и заправим все пятнадцать выживших роверов! Этой воды нам хватит на сотни лет ползания по пустыне.

— Мы отколем от этого астероида ровно столько льда, сколько нужно, чтобы заполнить маршевые системы Ковчegov на сверхдлинный перелет, Далон. Ни капель больше, — жестко перебила его Даяна.

Далон осекся, удивленно переводя взгляд с Даяны на Элома. По комнате разнесся глухой, усталый голос инженера. Элом шагнул вперед, вглядываясь в баллистическую траекторию астероида, и вывел на соседний монитор лазурно-зеленый диск Третьей планеты — их ближайшего космического соседа.

— Нам не нужна эта вода здесь, на умирающей родине, Далон. И роверы мы спасать не будем, — тихо сказал Элом. — Наш старый Дом мертв, ядро остыло, атмосферу сдувает солнечный ветер. Спасать здесь нечего. Но эта каменюка летит под идеальным, уникальным углом.

Тоди растерянно моргнул, поправляя очки.

— К чему вы клоните, инженер?

— К тому, что у нашего Солнца есть один-единственный готовый мир с жидкой водой — Третья планета, — Элом перевел курсор, демонстрируя на голограмме точку пересечения орбит соседа и блуждающей скалы. Чтобы показать нагляднее, он взял со стола Тоди простой карандаш и шербатый стакан, положив их на край пульта. — Сейчас мы не можем туда высадиться. Наша разведка пятьдесят лет назад легла там в полном составе: кислорода слишком много, почти тридцать процентов, мы сожжем легкие. Но хуже всего чудовищная биосфера. Воздух и океаны забиты агрессивными ксено-вирусами и бактериями, к которым у нас нет иммунитета. На суше ходят сорокатонные ящеры, огромные чешуйчатые монстры, им эта экосистема нипочем, а для нас каждый вдох там — смертный приговор.

— И... что? — Далон нахмурился, чувствуя, как внутри нарастает холодное предчувствие.

— Мы оставим основную массу этой скалы нетронутой и используем её как баллистическое оружие, — припечатала Даяна. — Мы скорректируем её курс всего на три градуса. Гравитация Третьей планеты сама затянет её. Астероид врежется точно в океан соседа.

В зале повисла тяжелая тишина. Тоди отшатнулся от терминала, его лицо мгновенно побледнело.

— Вы хотите бахнуть по планете гигантским булыжником? — пролепетал астрофизик. — Но удар такой силы испарит океаны, поднимет миллиарды тонн пепла! Это же ядерная зима! Вы превратите единственный живой мир в такую же мертвую пустыню, как наш Дом!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.